

Айрис Мёрдок

библиотека классики

Айрис Мёрдок

Iris Murdoch

Замок на песке
Колокол

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М52

Серия «Библиотека классики»

Iris Murdoch
THE SANDCASTLE
THE BELL

Перевод с английского

И. Трудолобовой («Замок на песке»), *О. Рединой* («Колокол»)

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency.

Мёрдок, Айрис.

М52 Замок на песке; Колокол : [романы] / Айрис Мёрдок ; [перевод с английского И. Трудолобовой, О. Рединой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 640 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-160976-4

«Замок на песке» (1957)

Жизнь Уильяма Мора, школьного учителя истории в маленьком сонном городке, мало чем отличается от жизни его соседей: стабильная работа, семья, двое детей. Но все меняется, когда в город приезжает яркая и остроумная художница Рейн Картер... Любовь к молодой женщине рушит привычный уклад жизни Уильяма как песочный замок. Но что, по сути, страшнее — оставить семью или не попытаться изменить жизнь, в которой нет места любви и чувству?

«Колокол» (1958)

Старинная легенда гласит: колокол женского монастыря Имбер упал с колокольни, когда молодая монахиня нарушила обет, тайно встретившись с возлюбленным. Прошли века, а колокола в аббатстве по-прежнему нет... Как нет и покоя мятущимся душам обитателей общины, расположенной неподалеку в имении Имбер-Корт. Общины, основанной на религиозных принципах и объединившей людей, желающих жить простой и праведной жизнью.

А когда в Имбер-Корт появляются двое новых постояльцев — энергичная и непосредственная Дора Гринфилд и наивный восемнадцатилетний юноша Тоби, — отношения между всеми героями начинают завязываться в тесный клубок, распутать который будет очень непросто...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

© Iris Murdoch, 1957, 1958

© Перевод. О. Редина, 2023

© Перевод. И. Трудолобова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Замок на песке

Глава 1

— Пятьсот гиней! — воскликнула жена Мора. — С ума сойти!

— Рыночная цена, — пробормотал Мор.

— Что ты там бормочешь? Выплюнь эту дурацкую сигарету, а то ничего не разобрать.

— Я говорю, это рыночная цена, — повторил Мор уже без сигареты.

— Бладуард написал бы задаром.

— Бладуард сумасшедший. По его мнению, писание портретов — порочное занятие.

— А я считаю, что правление вашей школы — собрание сумасшедших. У вас, должно быть, денег куры не клюют! Сначала это прожекторы для освещения, а теперь новая напасть. Освещать школу прожекторами! Словно за день эта школа не успевает намозолить глаза!

— Подождем Фелисити или без нее позавтракаем? — спросил Мор.

— Нет, ждать не будем. Она всегда приезжает домой такая хмурая, ей будет явно не до еды.

Фелисити, дочь Мора и Нэн, вот-вот должна была вернуться из пансиона, так как занятия отменили из-за эпидемии кори.

Они сидели за столом друг против друга. Крошечная столовая. Массивная полированная мебель. Створки окон распахнуты во всю ширь, а за ними жаркий, томительный полдень. И небольшой палисадник. А дальше дорога, по обочинам стоят аккуратные домики, глядясь окнами друг в дружку, как в зеркало. Городок застроен сплошь новыми домами, вполне в современном духе и весьма солидными.

Над крытыми красной черепицей крышами, над поникшей листвой деревьев возвышается в сонном мареве середины лета неоготическая башня школы Сен-Бридж, где учителем и куратором служит Мор. Сейчас время ланча.

— Пить хочешь? — спросила Нэн. И налила себе из большого сине-белого кувшина.

Мор передвинулся вместе со стулом, чтобы выбрать что повкуснее из ряда наполненных компотом бутылок, стоящих на буфетной доске. Только и радости от этой столовой, что до всего можно дотянуться рукой.

— А Дональд придет вечером повидать Фелисити? — спросила Нэн.

Дональд, сын Нэн и Мора, учился в шестом, выпускном, классе Сен-Бридж.

— У него дежурство в младших классах, — сказал Мор.

— Скажите пожалуйста, дежурство в младших классах! — передразнила Нэн. — Ты бы мог избавить его от дежурства в младших классах! Вы трусы оба, каких свет не видывал. Не дай бог нарушить правила! Можно подумать, ты дал клятву верности Сен-Бридж!

— Дон сам против привилегий, — коротко бросил Мор. В сущности, с этого пункта и начался сегодняшней спор. Без особого энтузиазма Мор нарезал мясо. — Поскорее бы Фелисити приехала.

— Нет, я все-таки поговорю хорошенько с Доном, — сказала Нэн.

— Только не пили его насчет экскурсии.

Дон мечтал на каникулы поехать в горы. Родители были против.

— Что значит — «не пили»? — возмутилась Нэн. — Мы же родители, мы за детей отвечаем.

— Пусть сначала сдаст экзамены, потом поговорим. Зачем ему лишние волнения. — Дональду вскоре предстоял вступительный экзамен по химии в Кембридже.

— Пустим все на самотек, а потом нас поставят перед фактом, — возразила Нэн. — Мне Дон сказал, что от этих альпинистских планов они отказались. А вот миссис Пру-

этт вчера сообщила, что вопрос все еще обсуждается. У вас там детишки, кажется, взяли за правило лгать родителям, вопреки всем разговорам о правдивости.

Хотя Мор нынче полностью отошел от религии, все же воспитан он был как методист. Поэтому глубоко верил, что безупречная честность — основа и условие существования всех прочих ценностей. Тем горше было обнаружить, что его собственные дети, так скажем, достаточно равнодушно воспринимают этот постулат. Он отодвинул тарелку.

— Не будешь есть? — деловито спросила Нэн. — Ну так я доем, согласен? — Потянувшись острозубой вилкой через стол, она забрала мясо с тарелки Мора.

— Слишком жарко, не хочется есть, — сказал Мор. Он посмотрел в окно. Башня школы нелепо торчала в дрожащем от зноя мареве. С проходящей неподалеку магистрали доносился приглушенный, не прекращающийся ни ночью ни днем гул автомобилей. Городок располагался на полпути между Лондоном и побережьем. Среди полуденной жары этот гул напоминал жужжание насекомых в зарослях. Летом время тянется, тянется, тянется бесконечно.

— Помнишь, как Лиффи, бедная, не любила жару? — произнес Мор.

Лиффи, их собаку, золотистого ретривера, два года назад на шоссе сбила насмерть машина. Пес связывал Мора и Нэн, это была связь, которую не смогли создать даже их дети. И Мор интуитивно нашел средство — чтобы задобрить Нэн, он вспоминал Лиффи.

Лицо Нэн в самом деле тут же смягчилось.

— Бедняжка, — вздохнула она. — Любила носиться по лужайке за собственной тенью. Просто до изнеможения.

— Любопытно, сколько еще продлится эта жарница, — проговорил Мор.

— В других странах наслаждаются летним теплом. А у нас только и разговоров что о жаре, — вздохнула Нэн. — Невыносимо.

Нэн доедала завтрак, Мор молчал. Семейная идиллия навевала на него дрему. Потянувшись, он зевнул и принялся разглядывать пятно на скатерти.

— Сегодня вечером мы обедаем у Демойта, ты не забыла? — напомнил он жене.

Демойт, бывший директор Сен-Бридж, ныне вышедший в отставку, по-прежнему жил в собственном обширном доме поблизости от школы. И по заведенному обычаю приглашал супругов Мор к себе отобедать. Для написания его портрета и была выделена сумма в пятьсот гиней, столь возмущившая Нэн.

— Вот наказание, я и забыла, — расстроилась Нэн. — Но там же скука смертная. Позвоню и скажу, что заболела.

— Неужели? Тебе же нравится туда ходить.

— Ах, оставь. А кто еще будет? — Нэн сторонилась шумных сборищ. А Мор, наоборот, любил.

— Будет художница, портретистка. Кажется, вчера приехала.

— А, я читала о ней в нашей газетке. У нее еще имя такое, потешное. Похоже на дождик...

— Рейн Картер.

— Рейн Картер! — воскликнула Нэн. — Бог мой! Дочь Сидни Картера. Он-то уж точно хороший художник. По крайней мере, знаменитый. Если уж так захотелось ухнуть кучу денег, пригласили бы его.

— Он умер. В начале года. Но, по общему мнению, дочь тоже справится.

— Еще бы, за такие деньги. Придется одеться соответственно. Она-то наверняка явится разряженная. Француженки — они такие. Вот не было заботы! Кстати, где же она остановилась? В «Голове сарацина»?

— Нет. У Демойта. Прежде чем начать писать, она хочет изучить характер, познакомиться с его окружением. Она подходит к портретистике фундаментально.

— Демойт, этот старый осел, наверняка будет в восторге. Но какво выражение! «Фундаментальная портретистика»! Сногшибательно!

Ехидство Нэн больно задевало Мора, даже когда она насмехалась над другими. Когда-то Мору казалось, что зловлие — это всего лишь ее способ самозащиты. Но время шло, и ему все труднее было верить, что Нэн так уж ранима. И все же он держался за созданный когда-то образ беззащитной Нэн, уже исключительно ради собственного спокойствия.

— Ты ведь с ней не знакома, зачем же сразу ехидничать?

— Это что, вопрос? Прикажешь подумать над ответом?

Они взглянули друг на друга. И Мор отвел глаза. Жена сильнее его. Мора глубоко ранило это открытие. И как ни уговаривал он себя, что сила-то ее идет от упрямства и от бессмысленного жестокосердия, чувство стеснения и обиды не проходило. Он видел ее насквозь, и прошло уже то время, когда удавалось укрываться от этого знания во влюбленности или, на худой конец, в равнодушии. Он поработан. Он под пятой. Его непрестанно оскорбляют. Ранние годы их брака прошли в общем-то безоблачно. В те времена у супругов был один предмет разговоров — они сами. Этот источник не мог не иссякнуть, а новый им отыскать не удалось... и пришел день, когда Мор понял — та, с которой он до конца дней своих связан, вовсе не считает себя связанной. Право изменяться, возможность отдаляться от него, становиться независимой — эти права она сохранила за собой. В тот день Мор поспешил обновить в памяти свои брачные обеты.

— Извини. — Мор поставил себе за правило: виноват ты или нет, извиниться надо в любом случае. Нэн всегда была готова рассердиться, и надолго. Он первым шел на мировую. Ее упорство было бесконечно. — На самом деле, как говорит Эверард, она чрезвычайно скромная, застенчивая девушка. Рядом с отцом вела совершенно монашеский образ жизни.

Преподобный Джайлз Эверард был новым директором Сен-Бридж и носил прозвище Эвви-реви.

— Совершенно монашеский! — насмешливо воскликнула Нэн. — Во Франции? Это Эвви-реви так думает. Он

ведь как завидит кого-нибудь противоположного пола, сразу опускает очи долу, словно барышня. А с другой стороны, даже хорошо, что эта девица будет на обеде. По крайней мере, избавимся от Хандфорт, хотя ты от нее без ума! — Мисс Хандфорт, домоправительницу Демойта, Нэн числила среди своих заклятых врагов.

— Совсем я не без ума от нее, но она такая энергичная, а Демойту рядом с ней хорошо.

— Никакая она не энергичная, — возразила Нэн, — просто голос громкий и болтовню не прекращает ни на минуту, даже когда прислуживает за столом. Меня прямо в дрожь бросает. Кто вообще против условностей, тому не зачем держать слуг. Вот мороженое. Хочешь? Нет?

— Она поддерживает в Демойте бодрость духа. По его мнению, когда вокруг шум и гам, перестаешь углубляться в собственные горести.

— Несносный старикан. Глупости все это, — отрезала Нэн. Мор симпатизировал Демойту.

— Поскорее бы Фелисити приехала, — произнес он.

— Не тверди все время одно и то же. Можно у тебя взять ложечку для мороженого? Я свою в подливке испачкала.

— Мне пора в школу. — Мор взглянул на часы.

— Ты поел, но это не означает, что завтрак закончен. Еще не пятнадцать минут третьего, колокол не зазвонил. И нам надо поговорить с Фелисити о ее будущем, ты не забыл?

— А надо ли? — спросил Мор. Эта реплика была своего рода провокацией, от которой он не мог удержаться и на которую Нэн всегда ловилась. Часть повторяющейся схемы. Его грешок.

— Что значит «надо ли»? — Нэн умела спросить так, что ответ извергался из Мора сам собой.

— «Надо ли» значит, что я не знаю, *что* по этому поводу думать. — Он ощутил внутри холодок, обычно предшествующий раздражению.

— Не беда, я знаю. Наши финансы и ее способности порядком ограничивают выбор, тебе не кажется? — Она

посмотрела на Мора в упор. И снова не избежать ответной фразы.

— Давай подождем немного. Фелисити и сама еще не разобралась в своих намерениях. — Мор знал — Нэн может часами продолжать в таком же духе и при этом оставаться совершенно спокойной. Никакие доводы его не спасут. Рассердиться — вот его единственная, по-настоящему действенная защита.

— У тебя привычка считать, что люди не знают чего хотят, если они не хотят того, чего хочешь ты, — заметила Нэн. — Ты смешон, Билл. Фелисити, конечно же, мечтает бросить школу. И если в следующем году она все же поступит на эти курсы машинисток, то уже сейчас нам надо подумать о средствах.

— Я не желаю, чтобы Фелисити стала машинисткой.

— Но почему? Если повезет, она может сделать приличную карьеру. Стать секретаршей у какого-нибудь состоятельного мужчины.

— Я не хочу, чтобы она стала секретаршей у состоятельного мужчины. Я хочу, чтобы она сама стала состоятельной женщиной и чтобы у нее самой был секретарь.

— Ты витаешь в облаках, Билл. Дети у нас совсем не вундеркинды, а ты их убеждаешь в обратном и уже тем самым делаешь несчастными. Втянул Дона в историю со сдачей экзаменов, ну так успокойся на этом. И если бы ты наш брак воспринимал более ответственно, то старался бы быть реалистом. Почувствуй же хоть немного ответственности за детей. Я знаю, насчет себя ты строишь разные несбыточные планы. Но хотя бы ради детейними розовые очки.

Мору стало не по себе. Выражение «наш брак» всегда резало его слух. Потому что всплывало всегда в связи с каким-нибудь неприятным замыслом, в правильности которого Нэн тут же начинала его убеждать. Он сделал над собой усилие:

— Может, ты и права. И все же я думаю, мы должны подождать.

— Я, несомненно, права.

Последняя реплика эхом отозвалась в голове Мора. Он все время боялся, что в пику безапелляционности Нэн и сам станет излишне категоричным. И он попробовал заговорить о другом:

— Ты сделала перестановку в комнате Фелисити. Но понравится ли ей?

Нэн любила переставлять мебель. Ее стараниями все в доме постоянно двигалось, смещалось, ничья собственность не уважалась, ничьи взгляды, ничьи привычки не учитывались: таким образом удовлетворялось, или так Мору казалось, желание Нэн ощутить себя полновластной хозяйкой в доме. За долгие годы он привык к этой нескончаемой кутерьме, но пренебрежение желаниями детей его обижало.

О другом Нэн не пожелала говорить.

— До чего же ты простодушен. По-твоему, все реакционеры считают женщин тупыми, а прогрессисты, наоборот, умными! На такой сентиментальный феминизм у меня нет времени. А вот ваш обожаемый Эверард ему очень привержен. Я тебе не рассказывала, он уговаривает меня произнести речь на этом глупом обеде.

В честь вручения школе портрета Демойта должен был состояться торжественный обед, дату еще не определили.

— Да, он мне говорил. Надеюсь, ты согласишься. У тебя наверняка хорошо получится.

— Нет, не хочу. Ну зачем и мне, и тебе строить из себя дурачков? Я и Эвви сказала. Ох и глуп же он. Мужчины его поколения буквально напичканы возвышенными идеями насчет эмансипации женщин. Но если он представляет себе свободное общество в виде женщины, произносящей речь на торжественном обеде, то пусть поищет кого-нибудь другого. Он попросил меня «обдумать». Но я лишь рассмеялась. Да он просто смешон.

— Но ты должна попытаться. Вот ты жалуешься на замкнутость нашей жизни, но при этом не пытаешься ничего изменить, внести в нее что-нибудь новое, другое.

— Если ты думаешь, что из-за дурачеств на каких-то там глупых обедах моя жизнь станет, как ты прелестно выразился, менее замкнутой, то могу тебя поздравить — попал пальцем в небо.

Над деревьями поплыл колокольный звон. Пятнадцать минут третьего. Начало первого послеполуденного урока.

— Мне не нравится, что ты забросила немецкий. Давно уже ничего не учишь, разве не так?

Когда-то Мор тешил себя надеждой, что в силах расширить ее кругозор. В сообразительности Нэн он никогда не сомневался. И все надеялся отыскать в ней какой-нибудь талант. Дом был завален кучей книг, намекающих на области, которыми он пытался заинтересовать жену: французские грамматики, грамматики немецкие, книги по истории, биографии, альбомы репродукций, была даже гитара, на которой Нэн какое-то время брэнчала, но так и не научилась играть. Нэн любила сокрушаться по поводу собственной бесталанности и в то же время совершенно не пыталась взяться за дело серьезно, это огорчало Мора. Она намеренно выбрала именно его в посредники между собой и миром и потом на него за это же сердилась. Знакомых у нее было мало, и из занятий только домашняя работа.

— Не зли меня. У тебя нет урока в два пятнадцать?

— У меня «окно», но надо пойти проверить тетради. Вот, кажется, и Фелисити?

— Это молочник. Кофе выпьешь?

— Возможно.

— Если не особо хочешь, не наливай, кофе стоит дорого. На самом деле, тебе ведь все равно, учу я немецкий или нет. Бредни, которыми тебя потчует Тим Берк, вот что тебе интересно. По-твоему, именно я, такая ограниченная, мешаю тебе сделаться в конце концов премьер-министром!

Тим Берк был ювелиром, старинным другом семьи. Попутно занимал кресло председателя местного отделения лейбористской партии и уговаривал Мора стать их депутатом в парламенте. Тут открывались любопытные перспективы. Мора глубоко занимала эта идея.